

Н. Данилов

Заметки о воспитании ястребов и об охоте с ястребом- перепелятником.

(Окончание)

(Вторая часть статьи Данилова, первая, к сожалению, нами не найдена)

ВЫНАШИВАНИЕ ЯСТРЕБОВ И СОДЕРЖАНИЕ ИХ ВО ВРЕМЯ ВЫНОСКИ.

Всякого *спеленатого* ястреба, т. е. не только что вынутого из кутни слётка, но даже и старого, вынутого из садка, *надо носить в руках* и носить так, чтоб его голова всегда была гораздо выше его зада, т. е. не держать его долго в неестественном для него, *горизонтальном* положении.

Начиная говорить о выноске и содержании ястребов, прежде всего, замечу, что *ястреба в неволе, требуют самого внимательного и самого правильного ухода*, если хотеть, чтоб они всегда были здоровы (в полной силе и проживали долго—по нескольку лет.

Конечно, и в этом общем и *необходимом* правиле могут встречаться редкие исключения: я, например, знал ястребов зим по 10-ти и больше у перепелятников-промышленников, которые вообще обращаются с ними грубо и небрежно; но это не образец! Не образец уже потому, что для крестьянина-промышленника всякий, и не хорошо сбереженный, ястреб годен: ожиревших перепелок из-под рыла ищейки можно всяким травить; и, в случае потери одного, его легко заменить в такой травле другим, каким ни попало. Но для охотника в душе, для охотника, который ищет в охоте не добычи, а наслаждений, отлично-хороший ястреб— такая драгоценность, что сколько его ни береги, все кажется, недостаточно!...

Первый день спеленатого ястреба надо носить в комнатах, где его можно иногда и класть близ себя (на виду), *к себе головой* в нарочно сделанный для этого „станок". (Для такого станка может впрочем, служить всякий продолговатый ящик или корзинка, слабо обтянутые сверху какой-нибудь сеткой, так чтоб передний край сетки был почти вровень с краями корзинки или ящика, а задний опускался бы вершка на 3—4 ниже. Длина такого ящика или такой корзинки не должна быть меньше 9—10 вершков). В этот первый день, вечером при свечах, надо ястреба распеленать и посадить осторожно на руку (на правую, конечно), . на перчатку.

Употребление для этого „рукавички" г. Аксакова— такой дикий прием, что его можно было перенять разве только у одних полукочующих оренбургских калмык-

ков: в «рукавичке» никогда нельзя удерживать равномерности в длине «коротышков» при взлетах ястреба, и следовательно, всегда можно повытянуть ему ноги. И это всего скорей может быть с *лучшим* ястребом, потому что чем ястреб резвее (*чем сильнее в крыльях*), тем взлеты его с руки порывистей и тем, следовательно, он внезапнее и больше дергает себе, ноги при этих взлетах. А само-собой разумеется, что когда такой—особенно-сильный в крыльях—ястреб, вытягивая при этом одну ногу больше другой, во всю ее длину, до последней возможности, будет порывисто мотаться на этой ноге в разные стороны, то вывихивание этой ноги *неизбежно*; в следующие разы, конечно, то же самое достанется и другой ноге — и *ястреб будет испорчен окончательно*. Вот на что годен этот снаряд первобытных веков!

Для носки ястребов употребляют особые, просторные перчатки из тонкой и мягкой личной кожи. (Замша скорее промокает на дожде). К перчатке обыкновенной длины пришивается (кругом) „наручник“¹, в два вершка мерой, из более плотной и меньше мягкой кожи, а около такой пришивки, внизу перчатки, прикрепляется небольшая ременная петелька, для прицепки нижнего крючка должика к перчатке,. При сажании ястреба на руку, коротышки сравниваются *от должика*, т. е. пропускаются, *начиная от верхнего крючка* по внутренней стороне, середины первого состава указательного пальца, выводятся наружу между этим пальцем и следующим (3-м), загибаются опять внутрь около затылочной стороны этого последнего между им и 4-м пальцем, опускаются вниз и крепко захватываются в кулак или крепко сжимаются между пальцами.

Посаженного на руку ястреба, не смотря на советы г. Аксакова, никогда не должно „поглаживать рукой и потягивать за хвост“, потому что ни к чему не нужное „потягивание за хвост“ только напрасно беспокоит и пугает ястреба, а „поглаживание его рукой“, кроме того, постепенно мнет и салит его перья, отчего они мокнут на дожде, скорей, нежели перья гладкие и чистые (свежие), с которых капли дождя скатываются легче. „За хвост тянуть“ ястреба только в таком случае, когда он был в чужих руках и нужно попробовать, не „сбит“ ли он „с следвей“, т. е. не вымотаны ли у него ноги? „Сбитый“ ястреб при такой пробе больше или меньше скользит с руки назад, а несбитый упорно удерживается на месте и скорей замашет крыльями и припадет к руке, чтоб тверже опереться на ноги, чем попятится назад.

Когда в первый раз посаженный на руку пойманный слеток поосмотрится и пообсидится на руке, надо *попробовать* его покормить. (Корм всегда надо давать *не холодным, а подогретым*). *Никаких ястребов, ни молодых ни старых, не следует морить голодом*, также как и *излишней бессонницей*. От этого, как я убедился долголетними опытами, преждевременно гибнут многие ястреба. И несмотря на то, что такие моренные голодом и чрезмерной бессонницей, ястреба после и поправляются, осенью у них часто появляются „заморы“, — они

хворают и мрут. Поэтому только что взятых на руку слетков надо каждый вечер пробовать кормить (зажатым в руку, около их лап, свежим мясом ободранных птиц), и если они станут клевать — накармливать *почти* до сыта. Иногда случается, что пойманный слеток, перед тем как его вынули из кутни, уже постился дня два или больше, что легко может быть в продолжительные ненастья, когда все птицы прячутся и ястребу поживиться нечем, или когда ястреб не совсем здоров оттого, что перед его поимкой он как-нибудь зашибся на гону за птицей, что, скажу мимоходом, может случиться только с резвым ястребом и чего — по понятной причине — никогда не бывает с тупым. И ежели такого слетка еще проморить два или три дня (как советует г. Аксаков), то такая выморка если и не погубит его тогда-же, так тем не меньше *никогда* не пройдет без вредных для него последствий. Некоторые слетки начинают клевать в первый же день — вечером, при свечах; иные клю-

ют прямо из кутни (пойманные под вечер) тот-час, как их посадят **на** руку. Примеры этому я видел не один раз. Правда, что другие слетки не берутся за корм дня по два и по три (и это всегда показывает крепкого, надежного ястреба), но все-таки их надо *подчивать* кормом каждый вечер: пусть не едят *добровольно* *), но не постыятся *по принужденно!*

Лучший способ вынашивать ястребов, это *носить их как можно дольше в пеленках* по людным местам, только время от времени снимая эти пеленки в уединенных местах, чтоб ястреб немного поотдохнул и порасправился на руке, и затем опять спеленывая его по прежнему. Но это днем; зорями, т. е. вечером с глубоких сумерек, а утром с самого раннего рассвета, ястреб должен быть на руке охотника. Самую ночь, т. е. час спустя с начальных сумерек и до часа прежде начала рассвета, ястреб должен *сидеть на колодке и спать*. Ранней зарей берут его на руку, а как скоро сделается светло и ястреб хоть раз слетит с руки, его пеленают. Пеленать надо до тех пор, пока ястреб привыкнет к людям **).

При взлетах ястреба с руки, его *ни под каким видом* не должно отдергивать рукою (по воздуху) назад, чтоб он опять поскорее уселся на руку: это тоже *вывихивание ног*! Лучше подать руку несколько вперед, попустить книзу, или самому повернуться, так, чтоб ястребу было удобнее, ловчей сесть; а когда он повиснет с руки, то его надо бережно приподнять на раскрытой левой ладони, занести на затылок правой руки, опереть грудью на эту последнюю и поспешно принять левую руку, чтоб ястреб сам взобрался на перчатку. Этим он скорей приучается садиться на руку после взлета. Когда другой человек подходит или близко проходит мимо, то непривыкшего к людям ястреба всегда надо поворачивать к ним передом, иначе ястреб взлетит и *сильно рванет прочь*, а повторение подобных аллюров тоже неблагоприятно повлияет на крепость ног ястреба. нет особенной надобности много заботиться о приучении ястреба к собаке:

ястреба, даже и совершенно дикие на воле, не очень боятся собак, а в травле привыкают к ним очень скоро, даже, можно сказать, свыкаются с ними совершенно по приятельски. Только сильно напуганный наглой, или чересчур горячей и непривычной к ястребиной охоте собакой ястреб начинает ее бояться и не выносить ее приближения; но это уже не врожденное свойство и даже не порок, в точном смысле этого слова, а порча ястреба.

В жаркое время, несколько повыношенных и уже попривыкших к людям ястребов надо в самый полдень носить к чистой воде (лучше проточной), мелко стоящей или текущей у открытого, плоского берега. Но да не подумает неопытный охотник, читавши статью о ястребах г. Аксакова, что их нужно носить туда для того, чтоб *поить!*... нет! *Здоровые ястреба* (как и все другие ловчие птицы) *положительно никогда не пьют* и как *только ястреб пьет воду— значит он уже болен*. Это известно всем и каждому из ястребиных охотников. Поэтому, заявление Аксакова, что „в жаркое время ястреба, старые и молодые, „любят купаться и пить“, до того странно, что я не умею

его объяснить себе ничем другим, как только тем что оренбургский охотник, в своем ребячестве, всегда охотился с заморенными, *больными* ястребами. Этим *досто-*

) Даже и таких ястребов, которые не возьмут корма ни в первый, ни во второй вечер, на третий день надо сажать на колодку в уединенном месте класть около колодки связанную живую или мертвую в перьях, птичку и отходить в сторону, или становиться за дверь, чтоб они хоть немного поклевали. Они не клюют на рук от чрезмерной дикости, а, конечно, не от недостатка аппетита; но пока такая дикость не пройдет, они могут затошачать, что для них вредно.

) Когда он при приближении их перестанет вертеть годовой и двигать плечами в пеленках, как бы желая из них высвободиться, чтоб улететь. **Иной: привыкает в 3—4: дня, а иной не привыкнет и в неделю.

— 226 —

етрым предположением объясняется и то, что его ястреба, кроме жирных перепелок и коростелей, никогда не догоняли никакой другой (более легкой) птицы, когда такая птица взлетала мало-мальски подальше рыла собаки, над которой он высоко („как можно выше!") поднимал свою руку с ястребом.

Ястребов полезно носить к воде в жары—и носить в самый полдень—для того, чтоб приучить их купаться всегда в одно и то же время. Это очень пригодится в травле и избавит охотника от многих неприятных случаев.

При такой выноске и при ношении ястреба в первые дни *в пеленках*, он не выматывает напрасно ног, не получает дурной привычки виснуть с руки от лишней дикости и вообще лучше сохраняет свои силы и свое здоровье. Когда же ястреб попривыкнет, то он и в хорошем теле проголодавшись, т. е. не евши целые сутки, также хорошо пойдет на руку при „перевабливании", как и выморенный.

Перевабливать, т. е. перекликать ястреба откуда нибудь на мясо—на руку, всегда надо под вечер, приблизительно в одно и то же время; сначала на расстоянии должика, и потом дальше и дальше на тонком, очень крепком шнуре или бечевке. Никогда не должно перекликать ястреба против солнца и под ветер: первое притупляет у него зрение, а второе ерошит и путает на нем мелкие перья и срывает его с руки или пронесит мимо. К тому-ж, ястреба, как и все прочие птицы, кроме вальдшнепов и коростелей (других *таких* не знаю), крайне не любят летать под-ветер и стараются этого избегать, при всякой возможности.

Накормленного ястреба можно посадить на колодку, до вечерней зари *). Говорю можно, потому что в этом собственно нет никакой особенной надобности, только *ястреба с зобом нельзя пеленать* и надо носить осторожнее в тесных местах: он может взлетать неожиданно и обо-что-нибудь удариться зобом, что ему очень вредно. Впрочем, сажание на колодку в сказанном случае, хорошо тем, что оно — кроме отдыха ястреба — дает время и охотнику немного отдохнуть (часа три). Ястребов „перевабливают" на свист ртом (губами) или „свистков". Приучить можно как к тому, так и к другому, только свист всегда должен быть *одинаковым* и протяжным. В свист губами, он всегда ближе может быть передан в слогах французских букв: „pfii-u-u-u-ut! pin-lit, ut, ut, ut! piu-u-u-ut,-u-t, u-u-u-ut, u-u-t! Но кто не умеет свистать громко, тому надо звать на свисток (всегда на один и тот же и всегда одинаково **). Попадаются слетки, которые не клюют из рук дня по три и больше, и с неделю почти нейдут на перевабливание. Это всегда означает ястреба отлично-хорошего; но замечательно то, что такие ястреба в поле, во время травли, бывают потом необыкновенно смирны - смирнее других.

Я еще не говорил о различии цвета перьев у слетков. По различию этого цвета, слетков называют " березовыми", когда они имеют беловато-серые перья на верхних частях головы и шеи и на спине, а подбородок, грудь и весь низ тела— грязно-белые, с мелкой рябью (говорю об общем фоне—рябь всегда бывает несколько ТЕМНЕЕ); „ореховыми", когда в них преобладает, больше или меньше густой, цвет простых орехов или цвет орехового дерева в мебели; „ольшаными", когда они имеют цвет сухого, ольхового дерева (красный) или цвет шерсти лисицы (рыжий), и »дубяными", когда их цвет подходит под цвет „мореного" (почернелого) дерева дуба. Самые темные

ястреба последней масти называются черными. Кроме того, березовые, ореховые и дубяные ястреба бывают „с ольшанью“, когда, при их обыкновенном цвете, одни щеки, или вместе и боковые части шеи,

*) So когда ястреб еще пеленается, его надо держать на колодки и на руке, пока он просидит» зоб, потому что *пеленать ястреба с зобом не следует.*

**) Переключая ястребов, к ним становятся почти задом, правую руку горизонтально отводят от себя во всю ее длину и время от времени помахивают» кистью этой руки— маня».

ольшанные (красные или рыжие). Ореховая масть самая обыкновенная из всех. Очень красные ольшанные, а особенно самые светлые (почти белые) березовые и черные слетки попадают реже всего. Слетки „дубяной масти с ольшанью" иногда бывают очень похожи на старых ястребов. Признаюсь, что к этой последней масти я не совсем равнодушен; я всегда ее любил и люблю больше остальных. Впрочем, это может быть потому, что у меня было три *дивных лихача*" из этой масти и она всегда напоминает мне лучшие дни моей жизни, рядом с лучшими днями из моих охот!....

Из статьи г. Аксакова видно, что оренбургские охотники (т. е. просто ястребятники-добычники или промышленники) думают, что цвет перьев слетка зависит от дерева, на котором он вывелся. Видно и то, что автор статьи сам утвердился в справедливости такого мнения „несколькими опытами". Любопытно знать: на каких же деревьях находил он гнезда „ореховых" ястребов?— ястребов самой известной и самой обыкновенной масти—вдвое, втрое обыкновеннее остальных. В России, кроме Кавказа и Крыма, растет как известно, только один вид орешника—лещинник. (*Corylus avellana* L.). Но это почти кустарник, или много-много—полудерево; а *ястреба никогда не вьют своих гнезд на небольших!, деревьях*. Откуда-ж берутся у нас „ореховые" слетки? Все это (как и все тому подобное) или *прямо-ложные*, или (как в настоящем случае) сбившиеся с прямых дорог, т. е. извратившие начальные (более верные) понятия о тех или других предметах—простонародные *поверья*, не выдерживающие никакой критики здравого смысла и сведущего опыта. Есть люди, особенно пристрастные к подобным „заветам" нашей, милой для них, старины: эти люди всегда и во всем готовы слепо верить непогрешимости подобных заветов. И никакая невероятность, никакая очевидная нелепость не в состоянии поколебать в них такого верования. Что об этом сказать? То, что „по их вере и дается им", как говорит Святое Писание; только здесь „дается" уже *другое*: - ошибки!

Возвращаюсь к перевабливанию и кормлению ястребов. Вабят или кличут ястребов на кусок сырого мяса, до половины зажатого в кулак правой руки в перчатке. Обыкновенно для этого употребляется крыло, оторванное от ободранной птицы средней величины (грача, вороны, сороки, голубя и т. п.) вместе со всей мякотью (большим грудным мускулом), которая от крыла идет вперед до ребер и одной половины гребня грудной кости птицы. На правое крыло вабить ловчей, потому что оно ложится при этом вдоль по руке вперед, а левое - назад.

Кормление ястребов - в ястребиной выноске и в охоте с ястребом дело большой важности. Первое правило: *никогда не кормить ястреба до отвалу**, т. е. до тех пор, пока он сам перестанет клевать. Это может обременить и расстроить желудок *ручного* ястреба, при недостатке того движения, которым он ежедневно пользуется *на воле*. От несоблюдения этого первого правила ястреба нередко получают отвращение от пищи, а иногда и серьезно заболевают. Это - признаки видимые; но еще прежде появления таких признаков в легкой степени желудочного расстройства, иные ястреба „перестают ловить", т. е., не трогаясь с места, провожают взлетевшую птицу равнодушным взглядом или и вовсе не обращают на нее вниманья, как будто это не их дело. Ястребятники-рутинеры (а за ними и г. Аксаков) называют такое поведение ловчего ястреба „ленью" (в смысле нравствен наго порока), говорят, что „ястреб вдруг, *без всякой причины* заленился" и его надо проморить голодом. Средство, конечно, подходящее; но причина тут есть и это - не *лень* которая вовсе не свойственна здоровому ястребу, а просто расстройство его желудка от пресыщения. Итак, повторяю, ястребов до отвалу никогда кормить не следует.

Определение настоящей меры в кормлении ястреба не трудно: когда он клюет, зоб его наполняется *постепенно*. Сначала, когда зоб ястреба выдается посредине острой выпуклостью - значит ястреб наклевался только в полсыта; дальше,

когда эта выпуклость, по немногу округляясь, округлится совсем - ястреб наклевался „в самый раз“, как говорят. Если ястреба продолжать кормить и поел* этого, то круглая выпуклость его зоба начнет раздаваться в стороны и делаться более плоской, потому что эта выпуклость уже станет теряться с возвышающейся окружности ястребиного зоба, который при этом примет форму не полусферическую, а сильно приплюснутого спереди полушара. Это значит, ястреб наелся „до отвалу“ и он перестает клевать сам. Другой признак кормления ястреба в *меру* есть тот, что когда его зоб делается совершенно круглым (полным), то ястреб начинает его усиленно „осаживать“ особенным образом: нагибанием шеи и наклонами головы, причем он перестает клевать и несколько вытягивается. Этого приема, который употребляется ястребом для того, чтоб крепче, сжать поклеванное мясо, а часть его прогнать в желудок и тем увеличить вместимость зоба, нельзя не заметить тому, кто кормит ястреба. Этот прием и есть настоящий признак, что ястреб наелся довольно и что дальше он будет клевать от излишней жадности. Это так! Но надо прибавить одну оговорку. Неопытный охотник, обращая внимание на *один* этот (последний) признак, может сделать ошибку и преждевременно отнять мясо у ястреба. Это может случиться так: когда ястреб, еще не наклевавшись в меру, оторвет и проглотит большой кусок мяса или косточку, то он тотчас же станет осаживать свой зоб, чтоб получше поместить в нем проглоченное. Но довольно самого поверхностного наблюдения, чтоб избежать при этом ошибки: если зоб ястреба еще не округлился в полный полушар, значит - отнимать мясо рано. Вот и все! Мясо отнимают, выдергивая его вниз левой рукой, сквозь несколько разжатый кулак правой руки.

Худого ястреба, *пока он не поправится в теле*, еще можно покормить несколько дней сряду парным мясом грача или сороки *почти* (но только *почти*) до отвалу, т. е. дать ему *несколько* поклевать после округления и осадки зоба. Но и в этом последнем случае, мясо должно отнимать тотчас, как только ястреб начнет приостанавливаться клевать без осадки зоба (будто „задумывается“), или станет поклевывать реже, как бы неохотно. Это признаки, что ястреб уже сыт.

Выбор мяса для корма ястреба тоже очень важен. *Никогда не следует давать ястребам мяса: лежалого, (хотя чуть-чуть попортившегося), ожиревших: перепелок, коростелей, дупелей и т. п. хотя бы и очищенную от наружного жира; вообще жирного, (с жиром) свиного, коровьего, хищных и водоплавающих птиц, соек (G-arrulus Briss.) и четвероногих животных, убитых во время их течки.* Как корм ястребам, мясо можно разделить на малокровное или легкое (болте бледное и дряблое) и кровянистое, больше питательное (темное и плотное). К первому разряду должно отнести мясо всех очень молодых, недостигших своего полного роста животных (четвероногих, когда они еще кормятся молоком матери, и птиц, когда они еще не слетели с своих гнезд, или не совсем оперились). Затем мясо индеек, кур, худых коростелей и кроликов. Ко второму разряду - мясо старых голубей, грачей и зерноядных воробьиных птиц. Среднее МЕСТО между этими разрядами занимает мясо ворон, галок и худых перепелок. Наконец, мясо сорок, дятлов и дроздов, при его питательности, имеет свойство несколько очищать (слабить), как и мясо мышей с шерстью, что особенно полезно для заболевающего ястреба. Всякое мясо для корма ястребов полезно ополаскивать в чистой воде, несколько подслащенной сахаром.

Ястребов в носка и травле, если только они не худы, лучше кормить легким и средне-питательным мясом (всегда чаще меняя мясо разных животных) и только раза два в неделю давать мясо зерноядных воробьиных птиц, сорок, дятлов и Дроздов (что попадетсЯ добыть). *Кормя ястреба, каждый раз должно давать ему в мясе мелкие и мягкие перья или чистую вату*

е таком количестве, чтобы они, скатанные в шарик, были не больше мелкого лесного ореха, а раз в две недели - мелкие камешки, величиной в крупную горошину. При этом перья и вату лучше прежде обмазать кровью или соком мяса и разделить на части. Впрочем, когда ястреб голоден и клюет жадно, т. е. в начале кормления, он легко проглатывает комочки перьев или ваты и камешки враз, с маленьким кусочком мяса, который надпиливается на них сверху. Перья или вату и камешки *необходимо* давать ястребу для того, чтоб он скорее сбрасывал ежедневную „погадку" и был здоров. Сбрасывая погадку, ястреб как бы начинает давиться: разевает рот, трясет наклоненной вперед и книзу головой в стороны и вслед затем выбрасывает изо рта продолговатый комочек неперевавшихся перьев, косточек, сухожилий и всяких других неудобоваримых веществ, проглоченных им во время клевания мяса. В здоровом состоянии ястреба погадка покрыта слизью, мягка, не издает никакого запаха и когда ее подавить, то из нее выступает *светлая* жидкость. Противные этому явления показывают, что ястреб болен. Ястреба скидывают погадку обыкновенно рано утром; но в травле, когда ястреб заглотает много головных перышков и косточек пойманных им птиц, от которых дается ему мозг, он иногда скидывает погадку в другой раз, - ежели случатся долгие антракты таких поклевов.

Ястребам, как всем животным вообще и как птицам *в особенности* *), *необходим чистый и свежий воздух*, почему оставлять их ночевать (а тем больше жить) в жилых, особенно в тесных, комнатах не следует

ТРАВЛЯ ЯСТРЕБАМИ ПЕРЕПЕЛОК И ДРУГИХ ПТИЦ.

Прежде описания частных приемов и способов этой травли, я сделаю небольшой характеристический очерк охоты с ловчими птицами вообще и с ястребами в особенности.

Я уже говорил не раз, что травить ястребами („пешком", хотя бы и при „беговых дрожках") ожирелых перепелок и коростелей из под самого рыла собаки — рвать им головы и собирать их в пресловутый „холщевой вачик" — не охота, а ее жалкая уродливость: промысел, или добычничество. Такую *охоту* (т. е. такое добычничество) можно пожалуй производить и другим, *еще больше* упрощенным способом. Вот пример: однажды, на охоте, с ястребом, я встретил в поле „пешего" однодворца-ястребятника, который, упустивши своего слетка „на залове," (в первый день травли), не рассудил возвращаться домой с пустыми руками. Он сломил макушку молодой березки; оправил ее в виде жидкой (редкой) метлы (т. е. пообломал у ней нижние веточки и посдергал листья с верхних) и начал *охотиться*... Его „сочейка" (ищейка) довольно часто отыскивала жирных перепелок и делала над ними крутые стойки, а мужик-охотник», согнувшись как говорится в три погибели, подкрадывался к ней „как можно ближе", держа (вместо ястреба) свою хвостину „как можно выше", жадно высматривал перепелку на земли и увидавши ее сразу, одним махом, засекал без про-

*) Хотя объем легких у птиц относительно меньше чем у четвероногих, но так как легкие птиц несравненно растяжимее и проницаемее для воздуха, — и так как, поэтому, кровообращение (с соответственным повышением температуры тепла до 35° P.) совершается у птиц быстрее всех позвоночных животных, — то недостаток чистого воздуха для них вреден *в особенности*. Жизненный процесс у птиц сравнительно деятельнее; их жизнь горит полней и сгорает скорее — следовательно им нужно больше кислорода, т. е. больше *чистого воздуха*.

моха!... Таким (бесспорно самым „простым“) приемом, он на моих глазах засек вдруг двух перепелок; а когда я его встретил, у него в „вачике“ было уж больше десятка *засеченных*. Значит, дело подобного добычничества может устраиваться еще проще: не нужно и ястреба—довольно хорошей хвостины!...

Да, статья г. Аксакова о ястребах, это терн в лаврах венца его славы, как охотника-писателя!... До того профанировать охоту, так злоупотреблять ее именем и так уродовать ее значение—*непростительно!*... Приемы птичьих и звериных промыслов, с их внешних сторон, конечно, могут больше или меньше подходить к приемам той или другой охоты; но цели охоты и промысла совершенно различны: в последнем важнее всего (если не *все*) — добыча; а в первой—*вещественно-бескорыстное* удовольствие наслаждение самым процессом охоты. И чем акты этого процесса продолжительнее и вместе с тем они скорее и сильнее могут возбуждать в нас чувство охотничьего наслаждения восторга, тем благороднее, тем изящнее, тем выше охота!

Травля лихими ястребами-перепелятниками резвых птиц в своем роде очень картинна и очень увлекательна. Лихой ястреб на сильном гону не машет непрерывно — больше или меньше часто — своими крыльями, как ястреб тупой, или посредственно-резвый. Лихач летит в таком случае полетом кречета (или полетом дербника), т. е. делает крыльями редкие, раздольные взмахи, между которыми его крылья остаются постоянно почти совсем прижатыми к его телу, так, что вам кажется будто ястреба, ровными, мерными толчками, бросает вперед какая-нибудь посторонняя сила: так стремительно-быстры и потому так мало-заметны бывают редкие взмахи его крыльев. Обыкновенно он гонит очень низко, над самой землей, независимо от того, как летит от него птица. И ежели она летит гораздо выше ястреба, то он, подбравшись под нее снизу, взмахнет так быстро, будто сверкнет вверх и—птица в его лапах!... В таком гоне особенно картинны *те* моменты, когда ястреб на своем воздушном -пути переносится чрез встречающиеся кусты, заросшая высоким бурьяном полевые межи. В эти моменты вы не заметите ни малейшего движения в крыльях лихого ястреба: он кажется тогда не живой летящей птицей, а скорей легким мячиком, который на быстром водяном течении мелькнул через крутую волну.

Еще больше картинны те моменты, когда от лихого ястреба птица, не видя спасения в лете, падает на землю; ястреб взмывает над нею тем выше, чем он резвей. При этом, взбрасываясь почти вертикально (вверх), он ни на секунду не выпускает из глаз упавшей птицы, для чего или наклоняет голову на грудь, или слегка (в гордой осанке) перегибает ее через плечо, смотря потому, как он, или не долетит немного до упавшей птицы, или несколько перелетит точку ее падения. В таких положениях лихой ястреб просто очарователен!... Вверху он приостановится, как кречет — легко и эффектно, раза два тронет крыльями, грациозно повернется головой вниз и будто убитый метким выстрелом отвесно упадет на птицу... Иногда упавшая птица не выдерживает этого грозного для неё аллюра и снова поднимается на улет; тогда живая картина может повториться с теми или другими изменениями, если только птица очень резва и сильна и потому на первых порах не попадет в когти еще не *разлетевшегося во весь мах* ястреба. От таких лихачей падают не только перепелки-„чекуши“, *)

*) Оренбургские ястребятники не знали, что не всякая та перепелка «чекуша», которая взлетая чекает». Осенью, особенно во время омета, и жирный перепелки чекают, когда они попадают стайками и взлетают по одиночки, или парами, *от аругихъ* (остающихся на месте.) *Настоящая* «чекуша»—это самка от маленьких детей. Она действительно летит довольно резво—как весенняя перепелка, потому что бывает худя.

но даже старые серые куропатки *) и дупеля (как бы они там не разлетелись!). Падают так, что, затаясь, иногда скорей дают себя взять рукой или поймать собаке, чем решаются взлететь—боясь лихого ястреба.

Лихие ястреба-перепелятники, кроме перепелок и коростелей, ловят: жирных осенних бекасов, всяких дупелей, турухтанов и вальдшнепов; серых, белых куропаток и молодых тетеревов (а иные даже и старых маток, „рябок“); всех уток, кроме самых крупных (как например крякуш); голубей домовых, диких и витютней; галок, сорок, грачей (редкие — ворон) и почти всех птиц подобного, или меньшего роста. С воронами, вальдшнепами и витютнями справляются не все ястреба: первые сильно обороняются клювом (то же делают и сороки — даже коростели — но конечно слабей), а вальдшнепы и витютни очень сильно отбиваются крыльями; однакож ловки или навычный ястреб (разумеется хорошо сбереженный и не худой) в таких случаях ворону хватает одной лапой за голову, а от вальдшнепа и витютня отваливается как можно дальше в сторону—вытягивая ноги и крепко держа птицу в своих лапах. У меня был лихач *очень небольшого роста* (с крыльями *несколько длиннее 6-ти вершков*), который бросался даже на мимолетающих вальдшнепов и каждого из них ловил и удерживал — непременно. Другой бросался на пролетающих голубей и легко их догонял и ловил *на всем разлете*. Из крупных птиц меньше всего бьются утки, а пойманные грачи и дупеля лежат как мертвые.

Г. Аксаков удивлялся, как ястреб гусятник-самка мог *взять* большую белую сову (*Surnia pustea L.*, а может быть и *Ulula uralensis Pall.*), потому что *у нее, у самой, острые когти*. Между тем многие ястреба перепелятники *берут* всех сов среднего роста, особенно когда они вылетают неожиданно из кустов и ястреба вероятно принимают их за вальдшнепов (взлеты и цвет несколько сходны.) Мне, конечно, при всем нежелании, не раз приходилось затравливать этих птиц случайно, когда ястреб, от недосмотра, срывался за ними с руки. Одного ястреба сова у меня сильно поранила в грудь, и он долго был болен. Вообще надо очень остерегаться пускать ястреба на сову; а когда поимка совы случится нечаянно, то ей тотчас же нужно переломать ножные цевки, чтоб она не пустила в дело своих когтей; то же необходимо и тогда, когда сова закогтит ястреба, потому что пока ноги у нее будут целы, она ни за что не выпустит ястреба из своих когтей.

Ястреба не в теле и с не вполне сбереженными ногами не могут удерживать крупных и сильно-отбивающихся крыльями птиц. Если слеток хоть чуть-чуть не во всей силе, лучше его на таких птиц не пускать, потому что раз не справившись с какою-нибудь из них, он после ловить ее уже не станет. Удивительно, как такая „миниатюрная фигурка“, как ястреб-перепелятник, может справляться, на примере, с рябками и полукряквами? Они иногда везут его на себе чуть не бегом, пока он изловчится получше их взять, т. е. переместится лапами так, что одной схватит птицу за шею, а другой между плеч за спину; тогда она может биться, но—ни с места! Кстати замечу о рассказанном г. Аксаковым при-ключении одного ястреба с полукряквой. нет сомнения, что „Оренбургский охотник“ *не был* очевидцем этого невозможного случая, потому что *никакой ястреб не даст утке окунуть себя в воду с головой*, что было бы неизбежно при ее „нырянии с ним“ вместе. А если б это случилось в самом деле, то ястреб непременно захлебнулся бы в первый же раз; но этого *не могло* случиться: ястреб, упавши в воду с пойманной им уткой, *всегда* распускает

*) Мне случалось травить серых куропаток поздней осенью, в теплую погоду, по пороше. Они, падая от ястреба, ныряли в рыхлый снег и иногда пробегали под ним на несколько аршин. При мелком снеге они прятали в него только низ тела и голову, так что спина была наружу.

крылья и хвост во всю их ширь, как только утка начинает погружаться для ныряния; а такой *порядочного объема* „зонтик“, при сильном опирании его краев о поверхность воды ястребом, не в состоянии потопить никакая полукряква. В этом я убеждался много раз.

В деревне, с середины лета до поздней осени и потом ранней весной, у меня всегда стояло по нескольку кутень для ловли слетков. Ловилось их в каждый год не включая чекликов и дикомытов) от одного десятка до двух, хотя в иные года и меньше. Лихие ястреба попадались редко: в продолжении слишком 20-ти лет у меня не было и десятка таких (было, сколько помню, 9-ть), несмотря на то, что кроме своей ловли *), я отыскивал их везде, на сотню верст кругом (у ястребятников) и на приобретение их не жалел денег **). В складе лихих ястребов, кроме *общей* длинноты в крыльях, я находил *довольно резкие различия*: некоторые из них (меньшинство) были низконоги, недлиннохвосты (при крыльях за 6-ть вер. длины) и имели соколиную стать; другие (и это большинство), были голенасты, т. е. высоки на ногах, с длинными хвостами, склада чисто-ястребиного. Замечательно, что из всех пойманных у меня ястребов-слетков, слетки темной (дубяной) масти, с небольшой ольшанью, с матовой, черно-сизоватой спиной и с грудной—по светлому фону—рябью, подходящей к ряби старых ястребов (на которых они и походили больше всех прочих), *чаще* слетков других мастей имели длинные крылья и в травле оказывались лихими из лихих. Впрочем, это могло быть и простой случайностью, зависевшей от той местности. Может статься, что одна и та же пара старых ястребов несколько лет выводила на одном (прежнем) гнезде молодых, которые и ловились в кутни, стоявшие неподалеку от места их вывода. Думаю так потому, что тем временем, осенью, раз у меня попался отличный дикомыт-самка этой масти с *а длинными крыльями*, которого я, разумеется, тотчас же и выпустил на волю, на развод: может быть мои лихие слетки темной масти и были его детьми.

Приучивши слетка ходить на руку, их „залавливают“¹¹, т. е. начинают травить“. Притравливать слетков к мелкой птице „на залов“, пуская эту птицу из рук на шнурке, совершенно излишне, так как они и без того прямо начинают ловить мелких вольных птиц. Но впоследствии притравить их к разным крупным птицам не мешает. Для „залавливания“¹¹ лучше всего перепелки: они держатся в открытых полях, где спокойней в первый раз пустить выношенного слетка на полную свободу и где, кроме этого, никто и ничто не может помешать охотнику или напугать как-нибудь непривычного ястреба. Накануне „залова“, слетка надо покормить в пол-сыта, не больше; залавливать надо под вечер, после 6-ти, 7-ми часов (летом, а осенью раньше). Ежели перепелка попадется не скоро и ястреб подтощает, что можно заметить по тому, что он станет опускать крылья, часто будет во чтонибудь „*воззриваться*“¹¹ и слетать с руки,—то ему надо дать клюнуть раза 3—4 „вабила“ (с большой лесной орех), и он успокоится. Лихие ястреба невообразимо *зорки*: в поле они видят мелких птиц (жаворонков и т. п.) на земле, в жнивье, на очень значительные расстояния,—„воззриваются“ и бросаются на них с руки. (Когда ястреб воззривается издали в птицу, он косит голову, т. е. смотрит на птицу одним, тем или другим, глазом и кивает головой, будто кланяется; воззрившись, он несколько распускает плечи, немного

*) Надо сказать, впрочем, что правило *мерить слеткам крылья я.* начале применять к делу уже за половину срока моей охоты с ястребом. Думаю, что если б я взялся за это раньше, у меня было бы больше *лихих* ястребов.

**) Раз я купил ястреба у богатого однодворца за 100 р'., а мой отец заплатил за одного ястреба мелкопоместному соседу 200 р. и еще придал лошадь с седлом, из-под охотника. Этот последний ястреб <ходил> за голубями вверх как сокол и брал ворон. Купленный мною, скоро убил себе крыло на гону; сидел два года, но не оправился.

припадает к руке и вслед затем «бросается»). Когда собака найдет перепелку и „станет” над ней, тогда надо подъехать к ней шагов *m* 5-ть, в уважение того, что ястреб еще не знает ручной травли и притом тощ, т. е. может быть слаб от продолжительного голода. Подъехавши, надо велеть собаке спугнуть перепелку, держа ястреба на руке. к собаке передом. Собака должна быть самая послушная и *привычная* к ястребиной охоте; иначе, ее необходимо взять на парфорс, с веревкой, сойти с лошади, наступить покрепче на веревку ногой, или, еще верней, взять веревку от парфорса в левую руку и затем уже сказать „пиль”¹. При взлете перепелки надо стараться не „задержать” ястреба, для чего лучше забрать коротышки (как сказано выше) меж *вторыми* составами пальцев правой руки и тотчас распустить немного эти пальцы, как только ястреб увидит взлетающую птицу или тронется за ней с руки. я *Задерживать*” ястреба, бросившегося за взлетевшей птицей, *очень вредно*: во-первых, он от этого может приобрести дурную привычку и иногда и вовсе не бросится за птицей, когда она взлетит, думая, что его опять не спустят. Это дурная привычка: „ястреб усиживает”, что впрочем, как я уже говорил выше, может быть и следствием нездоровья от пресыщения или от „потери погадки” *). А во-вторых, ястреб, особенно лихой, напрасно бросаясь с руки на птиц, дергает себе ноги несравненно сильнее, нежели при простых взлетах. Я забыл об этом сказать прежде, но • это последнее обстоятельство необходимо иметь в виду при носке голодного ястреба на руке и помимо травли, избегая по возможности тех мест, где есть птицы, на которых он бросается. А в травле лучше пусть ястреб слетит (конечно, не прежде „залова”) *лишний раз* за маленькой, случайно вспорхнувшей птичкой и или ее поймает, или бросит— когда она круто пойдет вверх, чем *рванется* за ней напрасно и, что есть у него силы, дернет свои ноги на коротышках. Когда слеток поймает первую перепелку, должно подойти к нему (как и всегда) спереди его, *тихо, осторожно, но не крадучись, по легоньку, но смело*, нагнуться к нему и дать ему пойманную птицу несколько пощипать. Кормить ястреба на первой пойманной им птице (особенно на крупной) „до отвалу”,—одно из самых дурных рутинных правил: не наученный еще опытом, следуя этому правилу, я однажды испортил утятника (самку) тем, что дал ему по гордо**) наклеваться с первого пойманного им зайца. Он так объелся „зайчатины”, что после ее не клевал и совсем перестал ловить зайцев. Правда, что он вскоре после своего слишком сытного ужина улетел (взыграл из виду, а искать его я не заботился), однако-ж я бился с ним больше недели: подмаривал его голодом, пускал ему, пойманных тенетами зайцев на веревке и напускал его на вольных зайцев¹ взогнанных из под самых ног лошади,—ничего не помогало: бросится, подлетит.—прочь! А первого взял жадно.

¹ Когда слеток будет щипать первую перепелку, то, еще не отнимая ее у него, ; надо оторвать ей голову, прикрывши шею левой рукой, чтоб не обрызгать кровью

ястреба, и потом, когда слеток, прощипавши где нибудь птицу до кожи, клюнет , раза три, четыре ее мяса, надо взять оторванную головку в правую руку (как берется „ вабило ”носиком вниз, повываждать мозг чрез затылочное отверстие и, под-¹ ставя этот мозг к клюву ястреба так, чтоб вместе с тем закрыть от него ; перепонку придерживаемую левой рукой, дать ястребу клевать в правой руке мозг, ; а всю перепелку, не принимая ее с места, забрать в левую руку, и как только

*) Ястреба перестают сбрасывать погадку почти при всяком их заболевании. О лечении болезней ястребов я буду говорить после, а здесь замечу, что в предупреждение потери погадки надо не забывать давать ястребу ежедневно перья иди ” вату, а порой камешки, как уже сказано.

**) Иные жадные ястреба, ежели их кормить <до отвалу», наклеваются не-только по горло, а больше, так что мясо буквально выпирает у них назад изо рта.

ястреб клюет мозги часть черепа головки, тотчас (отброся остаток головки в сторону, незаметно для ястреба) должно взять ястреба концами пальцев правой руки *за ножные цевки у самых лап*, и сжимая цевки друг к другу, вместе с тем *покрепче подавить* спереди и сзади (большим и указательным пальцами) *сухие жилы* ножных мускулов (разгибающих лапы ястреба) *на самых соединениях передних и задних емей с цевками*, а левой рукой вытянуть перепелку из лап ястреба *), оттягивая его от нее правой рукой.

Таковыми приемами минуются никуда негодные советы г. Аксакова кормить ястреба на первых двух пойманных им птицах (т. е. два дня сряду) „до отвалу“, а на третий день (конечно, как и в два первые дня) с „большой“—как он говорить—„возней“, *отаптывать* около ястреба с пойманной им птицей *траву* и отнимая у него птицу, *разгибать* его *большие пальцы отдельно, один по одному* и проч. Все это *именно* ничто иное, как „большая возня“, показывающая совершенно, детское, неумение обращаться с ястребом.

Отнявши перепелку у ястреба и спрятавши ее в ягдташ, ястреба надо прямо взять на руку, сравнить коротышки левой рукой, заложить их меж пальцев правой (прежде сказанным порядком), сесть на лошадь и продолжать травлю. Последующих птиц (как и всегда потом) надо отнимать у ястреба тем же способом (приемом) уже „живьем“, т. е. не отрывая предварительно у них голов и, отнявши птицу, сажать ястреба или на седло, или—где место удобно—на землю, на столько времени, сколько *необходимо* для того, чтоб отнять голову у птицы и положить ее в ягдташ, *отвернувшись прочь от ястреба*, чтоб он ничего этого не видел; после чего голова, с вдавненным мозгом, употребляется как вабило¹⁾, т. е. показывается ястребу из руки, причем обыкновенно—вместо "вабления"¹⁾ свистом—делается *чмоканье* губами и самые легкие помахивания кистью правой руки, сверху вниз. Ястреб, увидя мозг, перемещается на руку и склевывает часть головки (если птица мала), или часть мозга (если птица крупная). Затем головка отнимается, по прежнему.

Затравивши на первый раз другую, третью перепелку, ястреба надо накормить почти до сыта или одной из них, если меж ними найдется *не жирная*, или особым, нарочно для того взятым с собой, мясом. Кормя ястреба перепелкой или другой птицей одинакового с ней или меньшего роста, ему можно давать склевывать в ней, *кроме*: ключицы („дужки“), грудной („кобылки“) и крестцовой (тазовой) костей, *все*: мясо и косточки, *наперед изламывая последние* левой рукой, но не вынимая их из мяса; а крылья и ноги птицы—первые, *сверх того*, отрывая в плечевых сочленениях от лопаток, а вторые, разрывая пополам в голенях. Ястреб, без всякого для него вреда, склевывая мелких птиц, проглатывает *враз* шейку, ребро, куски позвоночника, изломанные в костях и чисто ошипанные от *крупных* перьев крылья, немного поклеваные им верхние (отор- • ваные из вертлюжных чашек тазовой кости) и нижние половинки ног, *совсем* ;

с лапками. При кормлении, не должно забывать давать всякий раз ястребу скле-

вывать вместе с мясом несколько мелких перьев. Перепелиные и куропаточьи поршки, как и все молодью птицы, очень хороши для кормления довичих ястребовъ, | в перемену с мясом сорок, дроздов, жаворонков, воробьев и других маленьких птичек. Чем разнообразнее корм, тем он здоровее для ястреба. !

*) Когда *выдающиеся наружу* сухие жилы ножных мускулов будут в *ука* *занных местах* нажаты ровно, ловким приемом (конечно, *не* во всю мочь, но довольно крепко, к чему легко приучиться, отнимая у голодных ястребов мясо, нарочно данное им в лапы), то еми, т. е. большие передние и задние пальцы ястреба, всякий раз будут разгибаться на столько, что у него можно без всяких:

усилий отнимать пойманных им птиц. Ястреб, познакомившись с этим приемом и избегая неприятного для него давления сухих жил, в впоследствии скорей привыкает уступать птице охотнику *без сопротивления*.

Г. Аксаков запрещает травить поршков, в уважение того, что, во-первых, они могут быть затравлены после „в поре“, когда вырастут; а во-вторых, что „такая легкая добыча балует молодого ястреба“. Первое из этих соображений, пожалуй, еще может иметь свой смысл, если в травле ястребом перепелок поставить себе главной задачей *добычничество*; но второе даже несколько смешно:

„легкая добыча?“ Да разве травля ожирелых перепелок из под рыла собаки *трудней* для „молодого ястреба“?—Ничуть! Напротив, часто еще *легче*, потому что всякий не самый маленький поршок, взлетывая довольно проворно, поднимается (совершенно не так как взрослая перепелка) гораздо выше и описывает на воздухе дугу, иногда над самой головой ястреба, *летя по ветру*, отчего ястребу на таком аллюре и в таком направлении поймать поршка вообще *трудней*, чем тяжело-поднимающуюся и тихо летящую *встречь ветра* по прямой лиши жирную перепелку. И хотя, собственно говоря, *труды* ястреба в том и другом случае так ничтожны, что об них не стоило бы и упоминать, но странно, как Аксаков не заметил в этих *трудах* их настоящей разницы *)?

Еще одно правило: когда голодный ястреб начнет „возриваться“ во-что нибуду, на сторону, то во избежание сильного дерганья его ног при напрасных „кидках“ с руки, надо тот-час же дать ястребу, или принять самому, такое положение, чтоб заслонить собой линию его „возриванья“. С потерей из вида привлекавшего его предмета, ястреб успокаивается и остается на руке.

На другой день травлю можно начать несколько раньше 6-ти часов и затравить побольше (штук 6-ть—10-ть) перепелок. Вместе с тем, можно уже не так близко подъезжать к собаке на ее стойках, а останавливаться от нее шагах в 10-ти 15-ти, так-как пока ястреб-слеток не „вловился“ хорошо — пробовать всю его резвость *еще рано*. Точно также еще рано напускать его и на крупных птиц: *выноска*, как бы она ни была правильна и неспешна, все-таки больше или меньше утомляет и следовательно — *обессиливает молодого ястреба*. А не справься он с какой нибуду в первый раз пойманной им крупной птицей,—он нередко перестает брать эту птицу *навсегда*. Поэтому-то я и сказал, что *притравливать* слетка с крупными птицами (которых он не ловил на воле)—не мешает. Только, конечно, притравливать не так, как г. Аксаков притравливал своих *до нельзя изнуренных* голодом и бессонницей слетков, *на самом „залове“*, к голубям *с переломанными крыльями*. Это могло годиться для *отроческой* забавы, но не для серьезной „охоты с ястребом“.

. Притравливать слетка надо уже тогда, когда он совершенно „вловится“ и *оправится*, т. е. когда после „залова“^в все следы утомления его выноской исчезнут. А это вообще приходит *нераньше*, как через полторы, две недели; приходит потому, что слеток, ежедневно упражняя свои крылья и лапы в ловле некрупных и небожких птиц (перепелок, коростелей, дроздов, дупелей и т. п.) вместе с тем *отоспится* и побольше войдет в тело, так как со времени залова, он (впродолжение травли) всякий день склевывает немало птичьего мозга и головных косточек и сверх того накармливается *почти* до-сыта (предполагая *достаточное* приручение его *правильной* выноской), а сидит на колодке, всякую ночь, от самого возвращения с охоты до *неранней утренней зари*, когда, *также как и днем, необходимо продолжать носить на руке даже и самого смирного ловчего ястреба*. Итак, притравливание слетка к крупными птицам начинается не на „залове“, а гораздо поздней — в означенное мною время.

; Самое притравливание состоит в том, что слетка напускают *в первый раз* "На крупную птицу каждого отдельного вида: или пуская последнюю из руки, (слегка

I *) Много поршков травить, конечно, не следует, но затравить, когда случится, 1 каждый день, штуки три—полезно для корма ястреба.

подстреленной или как-нибудь пойманной), или отыскивая эту птицу на воле, но непременно так, чтоб она попалась на глаза ястребу в самых благоприятных для ее поимки условиях: мелкая или средняя утка, взлетающая близко с маленького озера или с ручья, вальдшнеп и молодой—недостигший полного роста—тетерев на открытом месте, или в редких, низких кустах и т. п. Особенного внимания заслуживает *первая* поимка слетком вальдшнепа. Эти кулики так сильно обороняются своими крепкими и длинными крыльями, что, желая успешно травить их ястребом, должно всячески стараться о том, чтоб *первые*, пойманные слетком вальдшнепы, как-нибудь не отбили у него *навсегда* охоту их ловить. Для этого необходимо спешить (но *не бросаться, а осторожно*) на помощь слетку и неприметно для него придержать вальдшнепам крылья за плечи и сдавливать им головы на столько, чтоб их ошеломить. Когда вслед за этим последним приемом *сильные* судорожные сотрясения в крыльях вальдшнепа уменьшаются—его надо оставить в полное распоряжение ястреба, до тех пор, пока он дощиплется до его мяса и сключает последнего не меньше как в большой лесной орех. Тогда уже надо отнять вальдшнепа у ястреба, дать ему еще *часть* мозга (которого у вальдшнепа больше, чем у утки, или тетерева), как обыкновенно дается это ястребу,¹ дать *отдохнуть ястребу минут 20-ть* и продолжать травить других мелких птиц. Только после двух, трех подобных притравливаний, *слетком* можно травить *сряду по нескольку* вальдшнепов (ежели они есть в удобных для травли местах), но всегда *с значительными* промежутками времени. Для приучения слетка *отваливаться* от пойманного им вальдшнепа в сторону (чтоб последний его не зашиб плечом своего крыла), надо, взявши вальдшнепа за плечи, махать концами его крыльев (одного, того или другого, — каким будет ловчей, по положению ястреба и птицы) по глазам слетка до тех пор, пока он, избегая этого неприятного, хоть безопасного для него приема, далеко откинется назад от вальдшнепа, а как скоро слеток это сделает, крылья вальдшнепа надо выпустить из рук: вальдшнеп начнет ими махать, и ястреб, заметя, что крылья вальдшнепа не могут ему вредить в принятом им положении, останется в нем и будет только *попеременно* сильнее сжимать когти то той, то другой лапы, стараясь поскорей задушить вальдшнепа, в чем, впрочем, надо ему помочь. Иные лихие слетки *сразу*, поймав вальдшнепа, сами принимают описанное полочее тотчас, как упадут с ним на землю. Вероятно таким слеткам, еще на воле, случалось возиться с вальдшнепами. С средними утками и не совсем выросшими молодыми тетеревами, сильные слетки справляются легче; куропаток они ловят без всякого притравливания. И хотя старые куропатки сильно бьются в ла-пах ястреба, но их короткие крылья уже совсем не то, что крылья вальдшнепа; первые только надоедают и утомляют, а последние могут не только что зашибить, но даже положительно *убить* неопытного ястреба. В сорок, грачей и особенно в ворон слетка надо «травить» *хорошо*, для того чтоб он стал брать их с воли. В первые раза этих птиц надо пускать или пойманных на шнуре, или подстреленных в крыло, причем воронам надо наперед хорошенько надламывать клюв, чтоб он, не могли сильно долбить им *еще ненавычного* ястреба.

Слетка, конечно, *не худого*, накануне втравливания в таких птиц, особенно в ворон, надо накормить не больше как в пол-зоба, а втравливание начинать под-вечер, чтоб ястреб был *силен, но очень голоден*. Сорока отбивается не долго: она чаще всего хватает ястреба клювом за ногу и жмет эту ногу что есть у ней мочи, грач—только бы бросился на него ястреб—тот же воробей; если¹ ястреб схватит его за голову, он лежит как мертвый, и если голова свободна, он только разевает рот и слегка каркает, не шевелясь телом; но ворона, пока ее голова свободна, долбит ястреба беспрестанно. Вообще ворона—птица опасная¹

для ястреба, и если слеток не выкажет *особенной* ловкости в притравливании

его к ней, то лучше его вовсе не пускать да вольных ворон. Даже и особенно ловкого ястреба нельзя пускать на ворон *далеко от себя*, когда их несколько штук вместе: они, бросившись отбивать у ястреба пойманную „товарку”¹¹, могут его как-раз задолбить до смерти, если он не бросит во время пойманной им вороны. К галкам и голубям слетка тоже притравливать не мешает: голубя надо употреблять *молодого*), а галку—всякую.

Ястребятники-рутинеры, кроме вышеописанного „усиживанья”, отличают у ловчих ястребов еще два главные порока: „носку птиц” и „взыгрыванье”; а у молодых, сверх того, „когченье”. Но молодые слетки „когтят”, т. е. сжимают лапы в кулаки, когда отнимут у них птицу или когда они ее догоняют, *положительно-всегда* не от особенной „жадности” или „сердитости”, как думает (или думал) г. Аксаков, но просто или с голоду — сильно выморенные, или от судорог в ногах, когда последние у них выверчены дурной выноской. Чаще всего, обе эти причины действуют вместе, хотя и одной из них достаточно для того, чтоб молодой ястреб „когтил”. Но последняя причина действует сильнее первой *).

Затем „носка” ястребом пойманных им птиц,—вовсе не то, о чем пишет г. Аксаков; он говорит, что иногда ястреб, поймав перепелку, не тотчас опускается с ней на землю, а *несет* ее (летит с нею) сажень пять, десять и больше, и что *это очень утомительно* для охотника. Тут нет ничего „утомительного”¹ и это делает всякий ястреб (незаморенный, конечно, до крайнего бесилия), ежели место, над которым он поймал нетяжелую птицу, *неудобно* для того, чтоб ему опуститься: например, густое, высокое жнивие, частые, сплошные кусты, вода или мочажина и т. п. Иные ястреба действительно „носят”, только уж не так! Они поднимаются и летят прочь с пойманной ими птицей, когда подходит к ним охотник чтоб принять у них эту птицу; отлетают больше или меньше далеко, повторяют такую я носку” с одной и той же птицей по несколько раз, часто уносят птицу в кусты и там таятся от охотника, так что иногда, прежде чем охотник добьется отнять птицу у такого ястреба, он половину ее, а пожалуй и всю, склюет и—охота на этот раз кончена! Таковую я носку” уж не шутя, а по правде, можно назвать *утомительной*. Но и это—не врожденный „порок”, а *порча* ястреба: он начинает и привыкает *носить* или оттого, что был *дурно выношен и очень дик*, или оттого, что был *сильно напуган наглой собакой*. Иначе этого не бывает *никогда*. По крайней мере у меня, впродолжение двадцати трех лет, не носил так ни один ястреб: эту „носку” я видал только у других.

Остается „взыгрыванье”. Взыгрыванье—дело *очень серьезное*]. Ястреба взыгрывают чаще прочих ловчих птиц, т. е. чаще их, *во время травли с руки*, заносятся на кругах вверх более или менее -высоко; иногда даже так высоко, что совсем теряются из вида охотника, т. е. заносятся от него дальше 1,5 или 2-х’^ь верст—смотря по силе его зрения и по прозрачности воздуха (основываясь на измерении расстояний над земной поверхностью и принимая в расчет большую разреженность воздуха в верхних слоях атмосферы). Вообще *ловчие* ястреба, молодые и старые, в жаркое время взыгрывают оттого, что, во-пер-, вых.,верху гораздо прохладнее, а во-вторых-, и это главное, оттуда скорей можно увидеть воду *с удобным местечком для того, чтоб выкупаться*. Это причины, так сказать, общие. Но иногда ловчий ястреб увидит другого,- вью-¹ шегосяверху вольного ястреба и ему придет охота отправиться туда же. В по-

*) От этой же причины ястреба «охватываются или обзорируются», т. е. «выпускают из лап пойманных ими перепелок», как говорит г. Аксаков. Но очень понятно, что при судорогах разгибающих лапы мускулов, перепелка уходит, а потом ястреб вместо перепелки схватывает в лапы жнивие, когда судороги (спазмы) перейдут в сгибающие мускулы. Какая же тут «заркость»!...

следнем случае—также как и тогда, когда на „игре" привяжется к ловчему ястребу ворона—он почти всегда завивается очень высоко. Но таие случаи редки. Поэтому „взыгрыванье" *ловчих* ястребов вообще бывает вследствие того, что им становится *на травле* жарко, и они хотят или прохладиться, или выкупаться. Однако, помимо этих причин, есть другая. *Вольные* ястреба — как и все дневные хищники — обыкновенно взыгрывают для того, чтоб с высоты скорей и удобней высмотреть подходящую для них добычу. Понятно, что такой способ отыскивания птицы у каждого слетка может сделаться *больше или меньше* привычным еще до потери им своей воли. Я говорю: „может" и „может больше или меньше" потому, что иные *ловчие* ястреба без сильного разгорячения в травле напряженной работой, или в отсутствие сильного солнечного зноя, почти никогда не взыгрывают, а в последних случаях взыгрывают не высоко и скоро опускаются к ближней воде; другие, напротив, взыгрывают нередко и часто заносятся в очень значительную высь, Последние у простых ястребятников называются „игрунами". Есть даже рутинная примета Ястреба-"игруна"Хлупь* по обыкновенному нечистобелому—или, как у ольшаных, рыжеватому—фону, имеет много темных продолговатых наствольных крапин. И чем такие крапины крупней и чаще, тем ястреб „игрунистей", как они говорят. Но эта примета не лучше их примет резвости ястреба; т. е. эта также часто обманывает, как и те.

Впрочем, что бы и как бы то небыло, а „взыгрывание"¹¹ ловчих ястребов уже нельзя считать *искусственной порчей* их, в их неволе. И если это не порок— в точном смысле слова, то все-таки такое свойство, которое не грешно назвать самым дурным свойством *ловчего* ястреба. Другие *мнимые* пороки ястребов, как „усиживание, когченье, охватывание, обзариванье" и самая „носка", могут (как мы видели) быть предотвращены *совершенно*, такими мерами, которые вполне зависят от воли и умения охотника; но „взыгрывание"¹¹ можно предотвращать подобными мерами *не всегда*, а разве только при особенном, постоянном внимании — *в большей части случаев*.

Не говоря о том *непременном* условии, чтоб ловчие ястреб были *всевозможно* смирен, без чего он может „взыграть" просто *для того, чтоб улететь*;—средство к предотвращению „взыгрывания" состоит в следующем. Первое, в ясные дни лета и *особенно весны*, травить ястребом с раннего утра только до 10-ти часов, — в самый полдень *летом* и поздней (но не ранней) весной давать ему (по приучении к тому в *летней* выноске) выкупаться, — а после-обыденную травлю начинать не прежде 3 — 4-х часов. Второе, после каждого упорного продолжительного гона за резвой птицей, когда ястреб видимо разгорячится, (дышет в первые последующие моменты чаще и сильней) не *спускать его с руки* целую четверть часа и если он на таком гону не поймал птицы, то давать ему клевков по пяти мяса вначале и в конце такого роздыха; если же птица была поймана и ястреб уже клевал ее мозг, то мяса дать только раз, спустя 1/4 часа от этой поклевки, т. е. когда роздых кончится. И третье, такие же поклевки повторять приблизительно чрез каждые четверть часа, если в эти сроки не будет для ястреба мозга от пойманных им птиц. Мясо для этого надо употреблять самое легкое (поршков, цыплят и т. п.) и с мелкими перьями, чтоб оно—как бы несколько притупив голод—не насыщало ястреба. Тата поклевки, сколько я заметил из опыта, *видимо* предотвращают взыгрывание ловчих ястребов. Оно и понятно: кроме взыгрывания от сильного разгорячения травлей и от сильного летнего зноя (а весной от инстинктивного влечения к гнезденью) ловчий ястреб взыгрывает и *от сильного голода*. Томимый таким голодом, он,— не поймавши по чему-нибудь ловленную им птицу, но раздраживши свой аппетита до последней крайности, — естественно прежде всего может подумать о том, как бы, и где бы, ему поскорей насытиться? А так как ловчие ястреб знает, что на травле он должен будет поститься *до самого вечера*, но что ему как быва-

ло на свободе—может посчастливиться *гораздо раньше* утолить свой голод, если он заберется в высь и высмотрит оттуда такую добычу, которую никто у него не отнимет, то—он и „взыгрывает".—Кто видал „набалованных" (испорченных) *ловчих* ястребов в „носке пойманных ими птиц" и всё те хитрости, которые они употребляют при этом, для того, чтоб спрятаться от охотника, — кто видал как *вольные* ястреба при внезапном испуге и потайке от них стада воробьев, или других подобных им птичек, *нарочно*, на их глазах, отлетают прочь тихим, *высоким, размашистым* (самым заметным) полетом и, только скрывшись из виду опускаются вниз и быстро возвращаются назад, летя над самой землей, чтоб застать этих птичек врасплох, — тот конечно не затруднится поверить возможности подобных соображений *ловчего* ястреба. Наконец, бывают ли у него такие соображения, или нет, только *верно* то, что при нередких поклевках мяса из руки охотника, он вообще *взыгрывает несравненно реже*, чем без этого средства, притупляющего в нем мучительное чувство крайнего голода. И надо заметить, что *лихие ястреба с голоду взыгрывают гораздо чаще плохих*. И это опять-таки понятно: крылья первых приучили их к таким приемам в ловле птиц, которые недоступны для последних; первые добывали себе корм на воле открытыми нападениями, а последние — воровски, *выжидая* удобных случаев и подбираясь к птицам исподтишка.

Но когда, при упущении рекомендованных мною средств, или несмотря на их употребление, ловчий ястреб *начнет* „взыгрывать на травле, то это взыгрыванье, в первые его моменты, часто еще можно остановить, если *поскорей* подскать под него и подбросить ему, или пустить из рук, живую птицу (разумеется, которая может летать и которую ястреб берет *охотно*). Для этого лучше всего воробей, потому что ястреба-перепелятники *особенно* любят их мясо; но если ястреб притравлен к сорокам и берет их жадно—сорока еще лучше воробья. Тогда две-запасенные *) и попеременно возимые с собой в особой сумке, сороки никогда не дадут взыграть ловчему ястребу, если только не будет очень близко леса, когда пускать сорок было бы бесполезно, также как и воробьев. Тогда можно пустить только перепелку. Начавши взыгрывать ястреб, увидя летящую под ним птицу, почти всегда не устоит против такого соблазна, бросится на нее, поймает и —взрыванье кончится. Сорок при этом можно отнимать живых, для дальнейшего употребления; но ястреба *при этом* всегда надо покормить несколько побольше обычных поклевков, т. е. дать ему клонуть мяса раз 10-ть. Зерноядные птички (воробьи и им подобные) проживают без корма целый день; на следующий день можно брать других; на трети — опять первых и так дальше. Это, конечно, несколько хлопотливо, но это часто избавляет от *еще больших хлопот*, а иногда (хотя редко) и от *трудно-вознаградимой* потери лихого ястреба.

Еще правило: в ненастное, холодное время *не допускать* ловчего ястреба до крайнего разгорячения напряженным, долгим гоном, за далеко-взлетавшей развой птицей. Лихие ястреба, не поймавши в таком случае птицы и ощутивши сильную потребность освежиться купаньем, взыгрывают и опускаются к воде. А купанье разгоряченного ястреба в ненастную погоду или в холод часто его губит. Он прост уживается и умирает от чахотки, которая быстро развивается в нем вслед за простудным воспалением легких. *Особенно это опасно для молодых ястребов*. Я однажды таким образом потерял удивительно-резвого слетка: я имел неосторожность спустить его с руки за стадом матерых (в конце сентя-

*) Сороки иногда ловятся в ястребиные кутни, на воробьев; но в лесу, где они живут (около тех мест, где видны их гнёзда), их легко ловить на мелких подвязанных птичек, или просто на всякое мясо—под дроздовый тайник.

бря) серых куропаток, взлетающих в меру долевого десятины (80-ти сажень) от случайно набравшей на них *против сильного ветра* собаки. Мой лихач гнал за куропатками как стрела, догнал их вплоть, но слишком далекий, напряженный гон, *с преодолением упорного сопротивления ветра*, истощили силы и, разгораясь не в меру, он высоко взмыл под птицами и— *взыграл!* Он скоро опустился в сторону, к ручью, не больше как за версту; но пока я до него доскакал, переезжая и объезжая больше овраги, он уже выкупался и, сидя на берегу ручья, дрожал как в лихорадке. И несмотря на то, что я тот-час же сильно обжал его носовым платком, бережно заложил обернутого в другой *сухой* платок за грудную полу толстого, драпового пальто и на полных рысях довез его домой (версты за четыре), а там поспешно обсушил его перед затопленным камином, — он заболел и погиб от чахотки. Когда я вскрыл его труп, легкие были сильно разрыхлены, бескровны и полуразрушены; а ястреб до этого был совершенно здоров и болел всего только 11-ть дней... Долго я не мог позабыть этой потери!.. Это был какой-то выродок, чисто-соколиного склада, с крыльями в 6,1\4 вершков, по масти совершенно похожий на старого ястреба; а в травле—до последнего случая—зачем ни бросался, *не упустил ничего* *).

многие хорошо выношенные ловчие ястреба, *взыгравши* от жара, выкупавшись и потом обсохнув, возвращаются *низом* на то самое место, откуда они начали играть. Поэтому, если когда *достаточно-прирученный* ястреб, *взыгравши*, вы-соко уйдет из глаз (что бывает, когда он не видит вблизи воды с удобным местом для его купанья, или когда на игре случайно привяжется к нему ворона, другой вольный ястреб и т. п.), то лучше сначала обождать на месте часа полтора или два и тогда уже ехать отыскивать его—в ту сторону, куда он сдавался на кругах,—около воды, или на опушке леса. Хорошую легавую собаку, особенной дрессировкой, можно приучить отыскивать (иногда) затерянного на охоте ястреба

Ястреба в травле часто заламывают перья в хвосте, а изредка и в крыльях, что необходимо замечать в то же время. Исправлять простые заломы таких перьев очень легко: стоит только залом пера опустить на полминуты, или на минуту, в не очень *горячую* воду, и перо справится так, что после и не узнаете, где оно было заломлено. Но порой случается, что веретено пера — вскоре после его надлома или вместе с ним --- совсем сламывается в его нижней бороздчатой части и держится только на верхней роговой пластинке. Тогда справиться перо горячей водой уже нельзя, а надо его „наперить“, т. е. наставить отломленную его часть отрезком от другого, *точно такого же*, запасного пера. Для этого нужно собирать (и беречь от моли) цельные—*по возможности длинный*—крылья и отрезанные с частью мяса хвосты от мертвых ястребов и иметь (для соединения и укрепления приставных концов перьев) разной, *соразмерной*, длины и толщины, обоюдоострые, трехгранные иглы, которые нарочно для такого употребления выпиливаются из железной проволоки. Самая операция делается так: один человек (помощник), *способный осторожно и ловко взять в руки ястреба*, берет его (в охватку) обеими руками, спиною вверх, а головой к себе, подогнувши под него ножные цевки своими нижними пальцами. В таком положении ястреба помощник иди несколько освобождает (выпускает на сколько нужно наружу) *меж своими пальцами* поврежденную часть крыла—если операция предстоит

*) Кстати замечу, что *злоупотреблять силами молодого лихого ястреба никогда не должно*. А при первой возможности заменить его другим, старым, хотя и не столько резвым ястребом, в видах сбережения лихача для будущих блестящих подвигов. Уверившись в его крайней резвости и притравивши его к крупным птицам, *лучше пораньше посадить его в зимовой садок*—до следующего летнего сезона гравли (после его перелинания). Лучше *потому* что лихие ястреба *очень редки*; ими необходимо дорожить и постоянно всячески их оберегать от всего для них вредного и рискованного.

на последнем,—иди просто продолжает держать ястреба в первом положении, •если намеривает хвост. Запасные перья и нужные иголки разумеется приготавливаются еще прежде. Затем сломанное перо кладется на твердую деревянную подставку (край стола и т. п.), и веретено выше его излома перерезывается *сверху* поперек *самым острым ножом* так, чтоб *не расколоть* его роговой пластинки;

но перед перерезом веретена, бородки сломанного пера с обеих сторон *необходимо* отогнуть (обдавить) назад у самого соединения их с веретеном, чтоб как нибудь не задать их дожем и не попортить. После отреза, помятые бороздки вместе с ним опускаются на $1\frac{1}{4}$ минуты в не очень горячую воду (чтоб их расправить). Когда это будет сделано, берется *соответственное месту и счету* запасное перо, примеривается к отрезанному и *точь в точь на самой той же высоте* как и последнее отмечается и перерезывается пополам *точно также*, только без отгибания бородок, которые ниже отреза в запасном пере ни к чему ненужны. Наконец, для соединения приставного отрезка с подло-манным пером ястреба, в средину веретена отрезка всаживается половина иглы, которая должна быть тем тоньше и короче, т. е. тем *легче*, чем отрез пера *ближе* к его верхушке, и наоборот (игла предварительно смачивается лимонным соком или крепким уксусом, чтоб скорей обожавела). Другой конец иглы всаживается в отрезанное перо ястреба так, чтоб оба разреза пришлись *как раз против друг друга, как можно плотней и ровней*. Соединение концов иглою ловчее делать, положи перо ястреба на гладкий стол, придавив его у отреза пальцем и придвигая к нему наконечник с иглой пальцами другой руки, в прямой линии веретен того и другого. Въ заключение этой операции перо с соединенными разрезами опять погружается в такую же воду на пол минуты, бородки осторожно оправляются так, чтоб они соединились своими естественными зацепками (лучи с лучами)—и дело кончено. Если разрезы, обмерка и присадка сделаны как следует, исправленное перо будет служить *нисколько не хуже цельного*.

В травле, при спусках ястреба с руки за взлетевшими птицами, надо его всякий раз вдруг как-бы немного взмахнуть на рук (скорым движением от одного локтя или одной кистью). И это не для того, чтоб доставить больше удобства для его полета, а для того, чтоб приучить его к этому *особому* движению, так чтоб он—иногда развлеченный чем нибудь на стороне, или погруженный в самого себя—всегда при этом оглядывался на собаку, или вперед. Травить лихим (да и всяким) ястребом надо верхом— только о дних осенних бекасов да дупелей на топких болотах, волей неволей надо травить „по пешему хождению". Для охоты с ястребом нужна *смирная и резвая* лошадь, уздечка с *длинным* чумбуром и английское седло с широким вальтрапом, покрывающим большую половину крестца лошади. Потребность длинного чумбура понятна сама собой;

а такой вальтрап даже *необходим*, так как в травле ястреб от отнятой у него птицы, на то время, пока охотник управится с последней и положит ее в свой ягдташ, обыкновенно сажается на седло. И так как в это время ястреб, *от нетерпения*, иногда перемещается на холку или гриву лошади (чего привычная лошадь не пугается), а иногда и на ее спину за седло, и несовсем осторожно дает ей почувствовать, как остры у него когти, то последнего приема ястреба никакая лошадь не вынесет: она испугается, сорвется с чумбуром (который во избежание всяких непредвидимых случаев *никогда не должно привязывать к себе особенно крепко*) и может в свою очередь сильно напугать ястреба, начавши метаться и бить задом, и иногда может вовсе уйти с поля и заставить охотника возвратиться домой пешком, хотя бы то случилось за несколько верст. Перспектива не совсем приятная! Раз, в молодости, *мне* пришлось испытать это самому: в поле лошадь мне не далась до самого дома и после долго боялась ястреба и даже его колокольчика.

ЗИМОВКА И ЛИНЯНИЕ ЯСТРЕБОВ.

Ястреба, по окончании осенней травли, сажаются в садки *на зимовку*, а из этих садков или с весенней травли помещаются *на линиянье*—в особые, отдельные, летние садки.

Зимние и летние садки устраиваются не одинаково. Первые делаются клеткой в величину кутни или несколько попросторней, из таких же рам, только на 6-ти более толстых столбиках: на четырех угловых и двух по середине долевых брусков рам; с туго натянутой холщовой крышкой во всю верхнюю раму, бруски которой, округленные по их внутренним нижним ребрам, обшиваются—также, как и столбики—*толстым сукном*. Между средними столбиками, пониже половины их вышины, утверждается насестка, обшитая *вдвое* мягким драпом. Бока клетки, тоже *туго*, обтягиваются сеткой из самых толстых и мягких ниток, с петлями такой меры, чтоб в них не могла проходить голова ястреба. Но еще при самом устройстве верхней рамы и угловых столбиков, они делаются так, чтоб с поперечных сторон клетки были подъемные доски, свободно опускаемые и вынимаемые *из за стенки* по пазам столбиков и по средним прорезам в поперечных брусках верхней рамы. Эти бруски удобней делать право из двух одинаковых штук, оставляя меж ними продольные отверстия в толщину опускной доски, которая ходит в столбиках на фальцах, как крысья пасть. Доски должны быть густо окрашены масляной краской. Дна в клетке вовсе не делается, для того чтоб удобней было, передвигая ее с места на место удалять всякие нечистоты; но внизу сетки, с одной из поперечных сторон, делается такая же лазейка, как в подкутнике. Через эту лазейку ежедневно дается ястребу корм— мелко изрубленное и подогретое самое свежее мясо, на чистой дощечке в форме кружка величиной с тарелку. Сетка, холстина и сукно употребляются для того чтоб ястреб на взлетах не зашиб себе, как нибудь крыла, а на голой, *твердой* и *сухой* насестке не насидел бы себе подагры. Пол, на котором стоят такие клетки, тоже должен быть крашенный масляной краской, а в клетках густо усыпан гравием, а когда его нет—*речным* песком. (В земляном попадают вредные металлические окиси).

Посаженных на зимовку ястребов должно содержать *очень опрятно*; переменное, изрубленное и смоченное чистой водой мясо разных птиц давать (как было говорено прежде) с мелкими перьями, совершенно свежим, и *всегда подогретьм*, в таком количестве, чтоб по два дня сряду ястреб наклеивался *почти* до сыта, а на третий—только на половинный зоб. Такие количества *с наблюдения* можно определить раз навсегда, весом, или на глазомер. Помещение зимующих ястребов не должно быть в жилых комнатах. Я уже говорил как ястребам *необходим* чистый воздух; а здесь к этому прибавлю только то, что зимний воздух должен быть вместе с тем *всевозможно сух*, т. е. чтоб помещение для ястребов не *имело вредной для них холодной сырости*. Ястреба-перепелятники мало чувствительны к холоду, так как многие из них *остаются у нас зимовать*. Я нередко встречал их зимой в лесах далеко на востоке и на севере от Москвы; а поужнее, какой-нибудь из них зимует почти около каждого поселка. Значит, их можно—и даже должно—содержать зимой в нетопленных комнатах, только *непрерменно* в сухих и в которых нигде бы не дуло от окон, стен, -из под пола. Двойные окна этих помещений должно обтягивать сеткой, для того чтоб в случае, повреждения клеточной сетки мышами или крысами, ястреб не вылетал чрез разбитые им стекла или не разбился бы об них до смерти (когда они толсты, или малы). Помещения нужно проветривать, оставляя двери открытыми,

на все то время, пока ястребам чистятся клетки, или дается ежедневный корм. Во всякое другое время двери должны быть запираемы на замок. Корм всякий раз надо слегка *промачивать* чистой водой, а раз в неделю—прованским маслом;

кроме того, в морозное время его *необходимо подогреть побольше, вместе с дощечками.*

Ястреба в начале июня пересаживаются в летние садки из зимних, или прямо с весенней травли, если она производится на мелких уток—по небольшим озерам; на вальдшнепов и куропаток, по мелким кустарникам; на коростелей и дупелей—по небольшим, т. е. нетопким болотам и т. п. Перепелок весной травить не везде, можно, потому что они больше держатся в растущих хлебах. Надо однакож заметить, что весенняя травля вообще много неудобней и рискованней осенней. Неудобней потому, что всякой птицы попадаетея гораздо меньше и часто с гнезд; а рискованней потому, что в это время ястреба нередко—по естественному побуждению спариваться—взыгрывают *прямо на отбой*, т. е. заносятся в высь из виду и сразу отлетают очень далеко. Обыкновенно это ПОСЛЕДНЯЯ травля употребляется (кроме добычничества коростелей с плохим ястребом) только для испытания резвости тех *длиннокрылых* слетков, которые попадутся от полной воды до первой зелени лиственного леса. Да и такая проба должна делаться осторожно и ограничиваться немногими первыми опытами. Впрочем, кто не очень опасается, т. е. *не очень жалеет* упустить ястреба, тот, конечно может травить им и весной. Даже' можно сказать, что с *окончанием весеннего пролета*, с той поры когда лиственный лес оденется густой зеленью, ловчие ястреба отбиваются уже редко;

только тогда вся местовая птица на гнездах и ее вообще очень мало; перепелки в хлебах („пешее хождение"), а вальдшнепы и дуппели, первые в лесных, а вторые в болотных крепях; остаются одни коростели по лугам и всяким болотам;

но это собственно не охота—это добычничество.

Испытавши все неприятности и все неудобства весенней травли, я отказался от нее, несмотря на всю свою страсть к охоте с ястребом. ездил бывало чуть не целые дни, а толку мало: когда то когда найдет собака серую куропатку; птица взлетит —ястреб ее поймает, а смотришь, собака все стоит на том же месте;

подъезжаешь—и видишь гнездо с кучей яиц! С утками то же: селезни вообще держутся на открытых местах и не подпускают в меру, а самок надо травить с гнезд. Правда, можно бы, как говорится, отвести душу на перепелках: в это время они летят хорошо; но для этого надо Ездить—скакать иногда по хлебам, (что делать как то совестно) или ходить пешком, для чего уже надо иметь лошадиные ноги, чтоб не подвергать эту охоту большому риску, или, по меньшей мере, большим неприятностям. Ястреб уже не опускается на упавшую от него в *густой* и *высокий* хлеб перепелку, потому что здесь он ее уже не может осмотреть: они делает над точкой падения птицы круг, два, по воздуху и если не пойдет издалека на „ваблень" то—*никогда* не садясь в такой хлеб—или летит к ближнему лесу (иногда за версту и больше), или—взыгрывает Извольте тогда по • спевать за ним *пешком!* Поэтому то я и сказал, что пешему охотнику, в таких случаях, надо иметь лошадиные ноги. кроме того, ястреб, поймавши перепелку над *густым* и *высоким* (выше его роста) хлебом,' не *опустится* с ней в такой хлеб: они понесет ее прочь, иногда на очень значительное расстояние, пока найдет открытое место, где ему удобно сесть. А при такой *невольной* „носке", можно окончательно испортить ястреба, если они занесет таким образом перепелку в отдаленные кусты или лес и распорядится ее склевать, пока *пеший* охотник *добежит* туда, как говорят, разиня рот от усталости, пока отыщет там своего ястреба, по звукам его колокольчика. Вот причины, по которым я отказался от *весенней* охоты с ястребом, хотя нет сомнения, что другие местные условия могут дать и другой характер травле перепелок весной: например, наши обширные, *непаханные* южные степи и т. п.

Летние садки для линяющих ястребов могут быть устроены различно. Тут главные условия: простор, хороший корм, чистая вода для купанья и соблюдение опрятности. Пожалуй, в крайности, ястреб может перелинять и в зимнем садке;¹ но такое линяние доступно только *в крайности*. (Городская жизнь в квартир*, на тесной даче). Иначе линяющий ястреб *непрерывно* должен пользоваться чистым воздухом (как и с самого начала *теплой* весны, когда в зимних помещениях ястребов выставляются оконные рамы). Его садок, при устройстве, очень похож на зимний, должен быть по крайней мере *вдвое* больше последнего. Разница его устройства от зимнего состоит в том, что одна долевая, обе поперечные, бобковые, стороны и крыша, обиваются в нем досками, изнутри обтянутыми окрашенным масляной краской холстом, на двойном коровьем войлоке; и только другая долевая боковая сторона загораживается (в частокол) нетолстыми, прямыми, сделанными из крепкого дерева и обшитыми (или оббитыми) мягким, плотным сукном, стоячими столбиками, с промежутками в $\frac{3}{4}$ вершка, не больше. Одна из поперечных боковых сторон делается отворчатой дверью, на петлях, с замком, чтоб чрез нее можно было вынуть ночью вылинявшего ястреба; а внизу этой двери— к открытой стороне садка— помещается другая небольшая дверчка для дачи корма и поставки корытца с водой.. Садок, как и зимний, без дна, для такой же надобности. Он должен быть на столько длинен, чтоб ястреб, сидя по середине его на насестки, не загаживал его поперечных стен (меньшее 3 аршина). Летние садки должны быть помещены *в уединенном месте*, в особом палисаднике, куда бы никто не заходил кроме охотника и человека, дающего ястребам корм. Ястреба мало боятся собак, но они боятся кошек и незнакомых людей, а биться по садкам во время вывода маховых перьев для них *очень опасно*. Постановку садков надо располагать так, чтоб утреннее солнце могло освещать (часов до 9-ти) их решетчатые стороны.

Если можно, *лучше всего*, вместо садков, устраивать линяющим ястребам небольшие тесовые горенки, с плоской или угольчатой крышей, без полов, на врытых в землю столбах, с просторными окнами, забранными такими же столбиками, как и садки *). В такой горенке можно ставить две, три насестки и *большое, неглубокое* корыто с водой, для *привольного* купанья ястреба. Пол этой горенки, как и всю ее, можно содержать опрятно не тревожа ястреба, как в садке, передвиганием с места на место, для чистки. Довольно насыпать на земляной пол горенки толстый слой песку (около четверти) и разве только изредка удалять накапливающиеся и высохшие нечистоты деревянным гребком на длинной ручке; причем человеку, к которому ястреб привык, можно свободно входить в горенку чрез дверь, для предосторожности всегда завешенную, изнутри или снаружи, широкой сеткой; для дачи корма и для выниманья корыта, конечно, должна быть другая, меньшая дверка. В таких горенках ястреба, при одинаковом содержании, всегда вылинивают лучше (полнее) и скорей. Поверх *речного* . песка, около корыта или корытца (т. е., как в садке, так и в горенке) надо бросать маленькие круглые камешки, которые ястреба время от времени *проглатывают*, для лучшего пищеварения. В рубленый корм (*всегда перемельченный и подогретый*) линяющим ястребам надо давать молодых воробьев, грачей и голубей *с гнезд*, цыплят, молодых и старых сорок и дроздов, а порой (дня через 4-е в 5-ый) всяких мелких птичек в перьях. Живой, подстреленной сороки *ни за что не давать*, потому что она легко может повредить (изуродовать) слабые трубки растущих маховых или рулевых перьев ястреба. Мелкие и мягкие перья (а иногда перья *из подбородка кур*, Мелкие , но жесткие) надо не *забывать* вмешивать ежедневно в рубленый корм линяющего ястреба, а по разу

*) Оконные рамы прибиваются *снаружи*, а изнутри прорубы окон туго обтягиваются сетками.

в неделю смачивать этот корм, *всегда несколько промытый в чистой, холодной воде*, или чайной ложечкой прованского масла, или водным раствором кусочка (в маленький лесной орех) очищенной манны, взятой в аптеке (*manna depurata s. electa*). Корытца в садках должны быть просторные (широкие), потому что в узких, ястреба, сильно ударяя по воде крыльями, во время купанья, могут зашибить крыло или повредить нежные трубки маховых перьев о выдающиеся края дерева. Вода в корытах и корытцах всегда должна быть чистая и свежая.

Ястреб, после линянья, вынимается из садка или горенки ночью, во время его сна; но *не прежде* как тогда, когда у него выйдут из трубок и подсохнут „ножечки“, т. е. *правильные* перья в его *придаточных* крылышках, которые находятся у всякой птицы ниже последних (пястных) крыловых сгибов (это, собственно, перья большого пальца). Перелинявший—„перемытившийся"—ястреб, вынашивается также как и слеток. Иногда после линянья, особенно если ястреб был содержан не вполне хорошо, или перехварывал, у него местами на теле и даже в крыльях остаются старые, не сброшенные им перья. Впрочем, это еще не беда. *Очень дурно*, если ястреб повредит себе в садке молодые трубки (даже хоть одну) в маховых (особенно в передних) перьях; но *беда неисправимая*, если он, сильным ударом, обо чтонибудь зашибет себе крыло (обыкновенно в „мослаке"—в пястном сгибе, у предплечья). Тогда лучший ястреб становится никуда негодным; тогда это уж не „лихач"—не воин в поле, а несчастный, навеки искалеченный инвалид, неспособный добыть себе насущного пропитания!. Именно так: у меня один лихач ушиб себе крыло в травле, с разлету ударившись им о тонкую, но крепкую ветку редкого, голого (было поздней осенью) яблоневого куста, в который хотел пронырнуть от него догнанный им вальдшнеп. Вальдшнеп не спасся: ястреб его поймал тут же; но пущенный за другим, он его не догнал, скоро бросил и опустился на землю, недалеко в сторону. Это меня удивило. Я стал его вабить, и когда он летел ко мне, то я тут только заметил, что он летит несколько боком, перевесившись на одну сторону. Когда он сел на руку, левое крыло у него висело почти до перчатки, и он уже не мог его подобрать: я понял, что мой лихач погиб!.. Я проклинал в душе вальдшнепов, которые имеют особенную способность, при всяком возможном случае, продергивать за собою сквозь редкие кусты или ветви дерева резвых ястребов, зарекался их травить и т. д., но все уже было поздно и я, буквально плюя желчью от сильного огорчения (что было со мной только раз во всю жизнь), повез домой своего бедного инвалида. Дорогой, когда я его накормил, он несколько выше подобрал больное крыло, и я даже стал надеяться, что может быть, со временем, он и выздоровеет. Я посадил его сначала в горенку, а позднее в просторный зимний садок; содержал со всеми удобствами,—на следующее лето (опять в горенке) он перелинял,—но крыло не оправилось; на его „маслаке" "сделалась небольшая, твердая шишка, и я выпустил, было, его на волю. Но через три дня, ходя по английскому саду, я заметил его на большой ветке дуба, около дорожки. Он сидел распутившись, на одной ноге, как отдыхающий *сытый* ястреб, но он был *без зоба*; видимо—он хворал. Я велел поскорей принести живого голубя, подщипал . ему крылья и подбросил его больному; он бросился жадно, вцепился в голубя, по старой привычке далеко отвалился от его крыльев, но сладить с ним не мог; голубь вез его на себе, как последнего чеглика. (А прежде—никакой голубь не двинулся бы у него с места)! Когда я стал к нему подходить, он, приодичавши, бросился было прочь, однако голод преодолел дикость, и он опять вцепился в птицу и дал себя взять в руки: он был *очень худ*. А я выпустил его на волю *сытого*; ясно, что он ничего не ел все три дня. Я опять посадил его в садок и держал еще целый год, пока он не умер сам собой, вероятно, от недостатка движенья, или от другой, неразгаданной мною, болезни.

БОЛЕЗНИ ЯСТРЕБОВ.

Ястреба, особенно молодые, при неправильном их содержании, нередко хворают. Первый всегдашний признак заболевания ястреба есть то, что он жадно бросается на всякую воду и начинает ее пить (глотками, как курица). Раз ястреб пьет—значит он болен, потому что здоровые ястреба, как я уже говорил прежде, не *пьют никогда*. Больной ястреб, поклевавши мяса, не чистит своего носа.

Иногда, у заболевающих ястребов еще раньше этого признака, показываются: или *желтизна*, или *большие черные, куски* в испражнениях; мутная жидкость и дурной запах, или сухость в погадке и самая потеря последней. Это общие симптомы всех *внутренних* болезней ястреба. Только при сильных запорах, испражнения, не теряя своего нормального *белого* цвета, становятся больше или меньше густы, ястреб часто вертит хвостом и дышит *тяжелей* обыкновенного; а в высшей степени он от стеснения дыхания разевает рот и испражнения у него делаются тверды, как у зерноядных.

Не говоря о последней болезни, лечение которой не трудно (если только не составляет припадка другой внутренней болезни), захворавшего ястреба надо тотчас же осмотреть *внимательно*. Если у него окажется постоянный сильный жар, что легко можно у знать по продолжающимся: *ускоренному* дыханию, усиленному блеску глаз и по горячности лап, когда его посадить на голую руку, то ему необходимо прежде всего давать как можно больше пить *холодную* воду, подслащенную сахаром; если станет купаться, дать выкупаться (конечно, в теплой помывочной), а если не станет—сильно спрыснуть его прохладной водой и обсушить, не сажая перед огнем, а на колодке. Кормить такого ястреба надо самым легким, сильно промытым водой, неподогретым мясом поршков или цыплята, мелко-изрубленным *без косточек* и смоченным чайной ложечкой касторового масла (*oleum Ricini*). В такое мясо надо вмешивать сверточек (с небольшой лесной орех) мелких жестких перышков из под горла (подбородка) курицы. Кормить надо не до сыта—на круглый зоб. Содержать прохладно. Иногда от таких средств ястреб оправляется довольно скоро.

Ежели же у больного ястреба полное, *постоянное* отсутствие жара, лапы холодны, во рту бледно, дыхание медленно и глаза мутны, то ему в рубленном, невытом и сильно подогретом мясе грача или голубя, смоченном в простой хлебной (очищенной) водке, надо давать зерен по 5-ти отборного белого перца, или зерен по 15-ти белой горчицы; а если описанные признаки очень выразительны, то стопочки по три (в мелких кусочках) гвоздики, а вместо мелких перьев —хлопчатую бумагу, пропитанную спиртовой настойкой сабура и потом слегка обжатую. Ястреба выкупать *в самой теплой воде пополам с водкой* и тотчас же обсушить перед камином. Содержать тоже в самой теплой комнате.

Но если в том и другом болезненном состоянии ястреб не сбрасывает больше „погадки“, то в первые дни ни перьев, ни ваты ему не давать, а давать чистое мясо, примешивая несколько побольше: в первом случае касторового масла, а во-втором—если нет запора—гвоздики. Запора, называемый у ястребятников „пыщец“, (сам по себе) легко вылечивается легким мясом с перьями и касторовым маслом, холодным купаньем, и прохладным содержанием.

Болезни ловчих птиц вообще и ястребов в частности, *следует заботливо предупреждать правильным их содержанием*. При таком содержании, ястреба заболевают редко. Однако есть болезни, которые ястреба даже при-

носят с собой с воли, как глисты и вши, или которые они получают в неволе и которые излечиваются легко, как типун и бельмо в начале.

Признаки глистов: ястреб часто шевелит хвостом *без запора*, беспокойно перемещается туда и сюда на колодке и нередко оборачивается головой назад, а иногда тербит клювом корни хвостовых перьев. Средства: давать дня два в мясе по зубку (а в упорных случаях по два) крошеного чеснока и в трети—полную чайную ложечку касторового масла. Порошок из полынных верхушек действует иногда тоже хорошо.

Признаки вшей: перья ястреба на спине и других частях тела несколько натаращены и он почти безпрестанно, сидя на колодке, копается в них то там, то сям, своим клювом, а голову часто чистит ногой. Средства: спрыскивание водой с толченым перцем или насильное купанье в отваре (*чисто отстоянном*) полыни, а в упорных случаях—в отваре корня белой чемерицы (*Radix Hellebore aibi*).

Типун—„типец“, как его называют ястребятники—образуется чаще всего от вымаривая ястреба голодом, также как и от холодного, или от безсочного корма. Это "отолстение кожи под языком", т. е. роговое перерождение верхней части слизистой подязычной оболочки. Признаки: большой ястреб часто, особенно во время клевания корма, делает ртом такие движения, как будто что „отведывает“ (пробует вкус), или как будто мнет во рту свой язык, который делается сверху сух и тверд, а снизу бел, сух и гладок, с глянцевой поверхностью. Ястреб плохо клюет корм, худеет и может умереть от типуна. Средство—операция, которая, при некоторой ловкости, делается легко. Ястреба кладут, в руках, на спину, осторожно вытягивают у него в какуюнибудь сторону язык, опирают (легким перегибом) верхнюю сторону последнего о край клюва, причем помощник слегка удерживает голову ястреба *в неподвижном положении*, натирают порошком сухой глины, магнезией или золой окружность типуна, чтоб осушить подязычную влагу, и „приподнявши“ (отделивши заднюю оконечность рога от здоровой оболочки острой иголкой или узким перочинным ножом, не касаясь разумеется живых частей языка, а какъ-бы соскабливая с него *сзади к переду* роговую пластинку, сдирают типун, захватя освобожденный, приподнятый его край ногтями или щипчиками, движением к себе вдоль по языку *враз*, иди—когда роговая пластинка не отдернется вся сразу—то частями. Затем оставшуюся тонкую подязычную оболочку смазывают каплей прованского масла или сахарного сиропа и—операция кончена.

Бельмо бывает очень редко, но бывает, когда глаз ястреба чемнибудь застегнуть. Признаки: глаз вдруг помутится и начнет белеть. Средство: самый мелкий, истолченный и просеянный в пыль, чистый сахар, вдуваемый раза три в день в большой глаз через перышко (через обрезанный с обеих сторон очин пера большого махового *утино*го, или пера *ворона* (т. е. *маленького* и *длинного* очина), на передний конец которого захватывается мелкого сахара в величину дробинки 11-го или 12-го номера. От повторения этого средства бельмо обыкновенно проходит скоро, если лечить его в самом начале.

Кончаю! В сказанном мною, как мне кажется, заключается все главное, что я хотел и мог сказать об охоте с ястребами. Боюсь, что охотникам, незнакомым с этой охотой, переданные мною ее приемы и правила могут показаться слишком затейливыми, не стоящими тех забот и хлопот, которые надо употребить на их выполнение. Но такое мнение будет ошибочно: небольшая *приноровка* к делу, преодоление первых трудностей *непривычки*,—и все пойдет хорошо!... А охота такая, что стоит только ее испытать (конечно, не с тупым, а с лихим ястребом), чтоб навсегда пристраститься к ней *настоящему, истинному* охотнику.

Н. Данилов.